

Студенческая

ВЕСНА

Стихи, фельетоны, рассказы

ЖИВЫЕ ШТРИХИ

Вместо предисловия

Авторы этого сборника — студенты, рабочий актив многотиражки «Пермский университет». И стихотворения, и фельетоны создавались в процессе выпуска газеты, часто доделывались тут же, в тесной редакционной комнатухе, где-нибудь на краю общего стола... И, вероятно, именно этим — живым откликом на события, непосредственным отражением студенческих буден, штрихами жизни сегодняшней молодежи большого вуза — они и могут заинтересовать любого читателя.

В первом разделе сборника мы знакомим читателя с нашими поэтами. Все они пока только ищут себя. О больших событиях нашей жизни — о борьбе народов за мир, о просыпающемся к новой свободной жизни Востоке, о рабочих руках и руках ученых, запустивших в небо космические корабли — они пишут еще недостаточно сильно и ярко, но эти стихотворения — неотделимая часть студенческого сегодня, так же, как и собственно-молодежные, собственно-студенческие стихи.

У некоторых из наших поэтов начинается складываться своя главная тема, зарождается своя поэтическая интонация.

Для В. Бердышева характерно умение видеть в будничном студенческом быте общественный, гражданский элемент. Это его «своё». Поэт хочет взглянуть на себя и своих товарищей глазами завтрашнего дня:

Мы, живущие, —
лучше предков,
Но и нам
достанется крепко,—

предвидит он, измеряя: качество своего поколения большой мерой будущего.

В поисках свежей рифмы, точного ритма В. Бердышев иногда становится рационалистичным, суховатым. Но это, конечно, не черствость. И в прощальном стихотворении перед выпуском, и в «Однокурсниках» (второй раздел сборника) много по-настоящему душевных, взволнованных строк.

Если творчеству В. Бердышева присуща оценка сегодняшнего студенческого дня глазами будущего, то И. Рейдерман поднимает ту же тему ответственности молодых, вспоминая о недавнем героическом прошлом, о годах войны. Память о погибших на войне отцах, о пропавших без вести солдатах обязывает их потомков жить достойно, «оставить в жизни прочный след».

Лирический герой Б. Гашева—очень мягкий, говорящий вполголоса, как бы вглядывающийся в себя, не вполне себя нашедший. Но за этой мягкостью, за милым лирическим юмором — те же чистота и требовательность к себе и своему поколению. Гашев умеет и передать суровую красоту походной жизни (стихотворение «Минута») и проникнуться особой поэзией самой ранней весны, обнажающей в природе и в че-

ловечьем сердце их сокровенную простоту и земную силу... Весна вызывает в нем желание с новой мерой правды взглянуть и на себя: все ли выдержит этот беспощадный критерий?

И тут с Гашевым перекликается Т. Продан. Ее ощущение природы — откровенно-ликующее, праздничное, но и у нее звучит та же тема чистоты и силы, силы, которая пока только предчувствуется и вот-вот Должна проявиться в чем-то по-настоящему значительном:

Снегом ослепительным
Душа занесена,
Вихрями стремительными
Пересыпана!
Цельная, нетронутая
Под весенним настом
Потемнеет, взломится
Вспенившимся
счастьем.
Чистая, прозрачная
Распахнется лету.
Я готовлюсь к этому.
Ты готовься к этому!

Образ юношеской чистоты раскрывается и в других стихотворениях Т. Продан, где уже прямо идет речь о чистоте моральных побуждений нашего юного современника, его бескомпромиссности, готовности к большому честному союзу с миром, к большому труду и к большой ответственности.

Так или иначе этот образ юности дополняют, расширяют, дорисовывают и другие стихотворения сборника при всей их поэтической незрелости.

Вторая часть сборника — уже прямо газетная. Здесь не столько общие черты облика сегодняшнего студента, сколько его будни — ауди-

тория перед экзаменами и целинный совхоз, общежитие и класс, где он, пока еще практикантом, дает свой первый урок. Стихотворный диалог В. Бердышева и Б. Гашева («Однокурсники» — «Однокурсники виноваты») — один из эпизодов университетской дискуссии о коммунистических чертах нашего сегодня, участником которой была многотиражка. Отвечает ли сегодня коллектив за личное счастье каждого из его членов?—так был поставлен вопрос. И хотя многие наши читатели осудили вместе с Гашевым запутавшегося между любовью и «страстишкой» мелковатого героя «Однокурсников», победил в дискуссии голос тех, кто утверждал, ссылаясь на студенческий опыт и на опыт бригад коммунистического труда, что коллектив должен вмешиваться и в личные судьбы и отвечать за них, причем уметь делать это с настоящей коммунистической чуткостью...

По форме материалы второй части сборника — смесь публицистики, юмора, лирики. Это, прежде всего, — разговор по душам между своими. Иногда здесь звучат и сатирические, непримиримые интонации. И они оправданы тем серьезным, ответственным отношением к делу, к людям, которое формируется в потоке пестрой, шумной, многообразной и богатой жизни сегодняшнего студенчества.

Р. В. Комина — редактор многотиражной газеты «Пермский университет».

ОСТАВИТЬ
В ЖИЗНИ
ПРОЧНЫЙ
СЛЕД...

В. Бердышев

ПОИСКИ

В пытливых поисках
я снова,
Мысль моя, как щуп:
Свое магическое слово
Ощупью ищу.
Найду —
другим отдам скорей,
И в поиски —
опять.
...Живет закон среди
людей:
Искать
И отдавать.

ПОСЛЕ НАС

Мы, живущие, —
лучше предков,
Но и нам
достанется крепко:
Завтра нас потомки
оценят
По заслугам.

И скажут, может:
«Эти жили
достоинной целью
И достигли ее,
но все же...»
После нас
будут лучше люди —
Кровь в них
все-таки
наша будет.

РУКИ, КОТОРЫЕ ЛЮБЯТ СТРОИТЬ

Руки,
которые любят строить,
новый корабль, пустили в
небо.
Небо
чистое и простое.
Там
Побывать мне бы...
Мир в нашем сердце, а вы
с огнем играете.
Нет, господа, не стоит!
А то возьмем и в дугу
согнем руками,
которые любят строить.

ПИШИТЕ ПИСЬМА

Диплом получен.

Последний вечер.

Меня ждет Коспаш,

Тебя ждет Лысьва,

Её — Якутии снежный ветер.

Пишите письма.

Пишите письма.

Какое небо сегодня густое!

О, запах юности!

Как тревожен ты! И,

видно, так человек устроен, Что
вспоминает только

хорошее.

Вот мой товарищ.

Он мне напишет,

И вы словами порвите дали.

Пусть вечно вами

молодость дышит, Я

так любил вас.

А вы не знали.

В воспоминанья

глаза таращить

Придется.

Юность, моя ты песня!

Последний вечер.

Родные, чаще

Пишите письма.

Пишите письма.

ВЕСНА

Весна пришла.
И, как всегда,
И занятые, и закутанные,
Мы не запомнили, когда,
И не заметили, откуда.

Лишь констатировали мы,
Что так и так, по всем приметам
Как таковой уже зимы,
Пожалуй, в самом деле, нету.

И что весна берет своё...
Берет свое! И нам с тобою
Не откреститься от нее
Лишь констатацией простою!

Не откреститься! Все, везде:
Скамья в саду, худые клены,
Сама земля, — как на суде,
Обнажено и оголено!

Не избежать ее очей!
Нам на скамью ее усесться —
И в клетке рёбер перед ней
Нагое человечье сердце!

Вот скорчилась стыдливо Ложь!
А вот Любовь идет, босая,
На камни, острые, как нож,
С беспечной радостью ступая!

Он неизбежен, этот миг
Суда, когда мы сами, люди,
Себя самих, себя самих
С невольным беспристрастьем судим...

Перед лицом простых вещей:
Простой земли, сырой и черной,
Простой воды, простых грачей,
Отчаянных и истощенных,

Непривлекательных на вид,
Жильцов кривых и узких улиц,
Что из-за моря гнезда вить
К себе на родину вернулись.

МИНУТА

Сложен
И спрятан в кармане
Нож,
Вещи уже в кабине.
О чем ты задумалась
Сутулая ночь,
Черной вороной на рябине?

Может,
Пробежать в сапогах,
Хлопнуть в ладони,
И — ты улетишь?

Впрочем,
Пусть на минуту
В доме
Установится тишь...

Есть обязательная минута
Перед дорогой —
Без слов,
Последняя,
Домашнего тепла и уюта
Блюдечком чайным
Полная до краев...

Завтра
Будет дорога,
Ветер и холод,
Будет
На огрубелых руках
Железная ржа
И на привале
Сахар, на части расколотый
Рукояткой ножа.

Будет
Костер на берегу,
Первого снега слизь,
Будет
Жизнь на бегу,
Без остановок — жизнь.

Та,
Что тиха, ясна,
Нам, ли кто духом смел?
Пусть,
Задыхаясь, нас

Ловит за полы смерть!
Свалимся!
Срок истек...
Жизнь, к сожалению, одна.
Пусть,
Ударится в стекла Белая
Птица дня!

К. Коваленко (Т. Продан)

...

Улыбаясь,
листаешь,
старую тетрадь
и думаешь:
«Ты ли это?»
И, как когда-то,
хочется мир обнять,
расцеловаться с планетой!
Но мир иной.
Он стал строже,
пристрастней,
И неудобно
мне с ним обниматься.
Он руку протягивает:
«Будем друзьями!
Не малые дети мы с вами».
Я очень горжусь
этой крепкою дружбою:
не искра,
что вспыхнет,
взлетит —
и погаснет.
Не все завоевано,
взято,
разбужено,

но прочность,
уверенность,
искренность,
ясность.

ХВАТАЮЩЕМУ СЯ ЗА СОЛОМИНКУ

Ухватился за соломинку — держись.
Хорошо, коль ухватиться есть за что.
Нам порой соломинка спасает жизнь,
А порой — почти заваленный зачёт.
По тончайшей жерди перейти
Иногда случается поток.
Перешел — а там уже гляди!
От соломинки иной бывает прок.
Часто выручает нас соломинка.
Но поглубже, пристальней взглядишь:
Не шагает человек, а скромненько
За соломинками тянется всю жизнь!
Дайте ветру душу распахнуть!
По траве некошеной пройти!
Тянет отрешиться, отдохнуть
От сухой соломенной души.
Как хочу я, чтобы все нашли
Ясные, широкие пути!

...

Небо парусиновое,
Небо сине-синее!
Тени ярко-синие,
В танце испещренные,
На душе раскинулись
Синими знаменами.

Снегом ослепительным
Душа занесена!
Вихрями стремительными
Пересыпана!
Цельная, нетронутая
Под весенним настом
Потемнеет, взломится
Вспенившимся счастьем,
Чистая, прозрачная
Распахнется лету.
Я готовлюсь к этому,
Ты готовься к этому!

ОДНОКУРСНИКАМ

— А как же ваша
группа?

— А что группа! Разве с
нашими кашу сварить!

Товарищи, послушайте,
послушайте, товарищи:
Горела спичка синяя
и вдруг — заря! пожарище!
Идите ж, разогрейтесь,
Ведь вместе веселее,
Ведь скоро распрощаетесь,
От юности шалея.
Послушайте, товарищи,
Бездумные товарищи:
Расстаться не пора еще,
Пока что не пора еще.
Но будут дни июньские
И ночи полосатые,
С вокзалами нерусскими,
С разлуками усатыми.

Увозит каждый веточку
Огня нераскаленную,
Мечты увозит в клеточку
С тоской темно-зеленою;
С душою закупоренной,
С штрихом, неверно понятым,
С любовью незатронутой,
С холодными перронами.
Да, было счастье звонкое,
Да, дождик был рассеянный.
А сколько было скомкано,
Заглушено, развеяно
Хорошей непрактичностью,
Чужим недоумением,
И просто — неумением!
И просто — нетактичностью!
Товарищи, товарищи,
Бездумные товарищи;
Полотнищами — молодость,
Полотнищем-пожарищем,
Полотнищем-пожарищем,
Во все края!
Прощай, аудитории,
Прости, семья...
Потеряно — не схвачено,
Забыто — не раскручено;
Ты веришь: будет лучшее,
Ты ждешь, ты ищешь лучшего.
Так будьте ж откровеннее,
Внимательней, всезнающей,
Товарищи, товарищи,
Чудесные товарищи!
...
Ночи шептали:
«Нас слишком много».

Белые дали,
Седая дорога.
Ноги увязли
В колючей пыли,
Пологом вязаным
Зимы цвели,
Зимы цвели, заметали дорогу...
Ночи шептали: «Нас слишком много.
Помнишь: слипались глаза над страницами,
Лица всплывали и путались с лицами
И паутиною цепкой плыла
Мгла и усталость, усталость и мгла».

Белые дали,
Седая дорога.
Тени вставали
Шеренгою строгой,
И, словно знамя,
Сквозь память струится
Замыслов пламя —
Победы крупницы.
Эти крупницы, пылают, как вехи
Тем, кто проедет,
Тем, кто проехал.
Эти крупницы —
Победы залог,
Если не сделал,
Если не смог.
Ими восход над лесами приподнят,
Если боишься шагнуть от сегодня.
Капельки крови —
Вехи и нити.
Не потеряйте их.
Не перервите.

А. Гуреев

* * *

Зажглись огни,
и раздвинулась ночь,
Ветер в окно
ударил упруго,
На руках у меня —
дочь,
Рядом со мной —
подруга.
— Коля!
— Да?
Оперлась на плечо,
Улыбнулась,
на дочку взглянула.
— Давай помечтаем?
— О чем?
Кивнула на дочь:
— Заснула...
Промчатся годы,
за рядом ряд.
Кем она будет,
наша?
Может быть, к звездам,
что в небе горят,

Путь проложит
Наташа.
А, может, будет
водить корабли,
Смело сквозь бури и ночи,
Или руду добывать из земли...
А, может, станет рабочей?
...Огни зажглись,
и раздвинулась ночь.
Ветер в окно
ударил упруго.
Спит на руках моих
крошка-дочь,
Рядом —
моя подруга.

ВЕСЕННЕЕ

К девушке в платьице белом
Вешнее солнце ласкается,
Ветер кудрей касается
Юношею несмелым.

Радуют светлые здания
Девушку стройную, юную.
Ей развернулась шумная
Улица алым знаменем.

Ведь здесь на стеллажах
Толстой и Чехов
Глядят на мир большой
с обложек книг.
Рабочий рад покупке, как обновке,
Листает жадно, обо всем забыв,
В промасленной автолами спецовке В
обеденный короткий перерыв.

СТАРШЕМУ ТОВАРИЩУ

Пять быстрых лет
Мгновенно пролетели,
И ты по горло
Погружен в дела.
Бросают снег
В окно твое метели
Далекого сибирского села.
...Простая школа,
Шаткие ступени,
Сидят мальчишки —
Три десятка глаз —
И слушают
С великим восхищеньем
Твой самый
Удивительный рассказ.
Мир так богат,
Так много тайн скрывает,
На все не хватит
Сорок пять минут...
Мечтавший с детства
О далеком крае,
И вот таким
И видел
Свой уют.

НЕ ПРИШЁЛ ...

Не пришел...
Забыл о нашей встрече,
Обещаньях, что давал когда-то.
Вот уж вечер,
Синий, синий вечер
Догорел полоскою заката.
Постою,
Сухою веткой хрустну,
Поспешу в аллеях затеряться.
В юности порой бывает грустно,
В юности, когда тебе

семнадцать.

СТУДЕНТЫ

М о и коллеги, кончив споры
И от бессонницы устав,
Опять заводят разговоры
Об этих девичьих устах,

О том, как скромны, как стыдливы
Ее глаза в тени ресниц,
И что лицо ее, на диво,
Красивей всех знакомых лиц.

И тоном ярых донжуанов,
Скрывая чистоту души,
Описывают гибкость стана,
Твердят, как ножки хороши...

И каждый планы намечает
И ударяется в мечту...
Ей каждый втайне назначает

Свиданья где-то на мосту...

Но нет пока ничьей победы,
Студентам нечего скрывать:
О всех желаниях и бедах
Друг другу можно рассказать...

А я, зарывшись в одеяло,
Их спором не был увлечен —
Молчал, хоть сердце и кричало,
Не мог мечтать, хоть был влюблен.

Я знал, что зря мечтает каждый,
Зря ищет лучшие слова:
Я просто видел, как однажды
Ее другой поцеловал...

В. Зимнин

МОЛОДОЖЁНАМ

Когда проснетесь ранней зорькой
Уже одни, уже вдвоем,
И вспомните про крики «горько»
За шумным праздничным столом,
Когда в смущении алая,
Заглянет солнышко в окно,
Вам станет ясного яснее,
Что оба вы — уже одно.
Пусть радость этого мгновенья
Пройдет по вашей жизни всей,
Чтоб счастье не было разменено
На медь случайных мелочей,
Чтоб никакие расставанья
Не помешали вам сберечь
Всю свежесть первого свиданья,
Всю нежность первых ваших встреч.

ПЧЕЛА И МУХА

Раз как-то Муха у Пчелы
Допытываться стала:
— Подруга, почему Я мед
не делаю, как ты?

— Да потому,
— Пчела ей отвечала,
Что я сажусь,
Лишь на цветы,
А ты —
На что попало!

Дождливый летний вечер...
Серо, немного грустно...
Дождем играет ветер;
Костер дымится тускло...

В тиши проснулся голос,
Разросся, вырос в песню.
Она сильней несется —
Ей на поляне тесно.

Звучит все шире, громче,
Друзей таежных песня;
И голоса — все звонче,
И звуки — все чудесней...

Вот стихли песни звуки —
Все те же дождь и сырость,
Но только скрылась скука,
И все переменялось:

Уже не мрачен вечер,
Уже не так тоскливо,
Хоть так же дует ветер,
Льёт дождь без перерыва...

И если, осияя горы,
Почувствуешь, что ослаб,
Вспомни про переборы
Мохнатых сосновых лап,
Лишайника тихий ропот,
Предчувствие новизны,
Отчаяннейшие тропы,
Рвущиеся с крутизны.

А. Бузмаков

И ДЁТ ВЕСНА

Забилла звончато капель:

— Идет апрель! Идет апрель!

— Под лаской солнечных лучей

Заворковал, запел ручей,

Легко промчал по мостовой

Щепу с осеннею листвою

И, вырываясь на простор,

Подмыл стареющий забор...

Смеясь порыву юных сил,

Шумел, трезвонил, голосил:

— Вставай, природа, ото сна —

Идёт весна!

Ю. Чемоданов

ДУБОК

В Разливе Ленин посадил дубок.
Дубок припал к его груди от ветра.
Казалось, никогда бы он не смог
На новом месте возмужать, окрепнуть.
Прошли года, и ветер отступил:
Дуб стал могучим, кряжистым, высоким...
Все, что Ильич с любовью посадил,
Всегда цветет и набирает соки.

Т Е Б Е !

Не с завистью, не с жалостью
Опять к тебе пришел.
Послушай-ка, пожалуйста,
Как в мире хорошо!

Какая тишь бездонная
На берегу зимы,
Какая ночь бессонная,
Счастливая, как мы.

...Во сне подушку тискаешь,
Уставши за день, спишь,
А может быть, над книжкой
Задумавшись, сидишь.

А я не знаю, кто ты, где
И как тебя зовут...
А строчки как звезда к звезде
Одна к другой бегут...

Ты не звезда над головой —
Как я тебя найду?
Но я ведь современник твой
По чувствам, по труду!

С тобой, еще невиданной,
Я поделюсь сполна
Не болью, не обидами,
А слушай — тишина!

Какая тишь просторная.
Вечерний зимний час.
И время мчит, которое
Не разделяет нас!

...

Заметает снег...

Заметает снег...

Заметает снег...

Не закутан в мех,
поотстал от всех,
ни дорог, ни вех.

Стремительные снежинки
кружатся и летят.

Снегом облеплен,
ветром пронизан
от головы до пят.

Что ж я друзей пропустил, пропустил, —
быть не может, что я остыл.

Голову тяжкую вниз опустил —
просто я на ветру простыл...

...Шапку сниму с головы долой,
станет бела голова,

Будто бы старость
снежная, чистая
вступила в свои права.

Только нужно, нужно идти
и с заснеженной головой,

Пробиваться вперед,
 задыхаясь от ветра,
Падать в сугроб, подниматься опять
 и — всему вопреки —
Душу движением согревать,
 пуще ветра боясь тоски!
...Заметает снег...
 Заметает снег...
 Заметает снег...
Впереди — смех, греет молодость лучше, чем мех.
Я вас догоню,
 не остановлюсь,
 молодость рвется вперед!
И моих раскинутых дальних дорог
 снег не заметет.

Расплывается дым, расплывается,
Исчезает во мгле небес.
Так и прошлое забывается
И теряет нелегкий вес.
Только память неумолима,
И повсюду она с тобой...
Дыма нет, но есть запах дыма —
Помнить бой
 и предчувствовать бой.

С Л Е Д

Среди иных печальных дат
Больней всего одна,
Я ждал — сейчас войдет солдат,
Окончена война.
Жизнь справедлива и права —

Войдет он запылен...
Но есть жестокие слова:
Пропал без вести он.
Как может человек пропасть?
Ведь он же — человек!
Он может скошенным упасть
В холодный жгучий снег.
С ним рядом всякая беда,
Он может умереть,
Но весть об этом сквозь года
Сумеет долететь!

А тут и вести даже нет.
Пропал... Потерян след...

Нет, не затоптан этот след,
Не выжжен на войне!
Печатью дорогих примет
Живет тот след во мне!

И я мужал, и рос, и креп,
Ел черный хлеб, ел черствый хлеб.
И, слезы вытерев с лица,
Узнал в борьбе с собой —
Я — продолжение отца,
И мне — и труд, и бой.
И мне — нелегкий, страстный век
И жар названья — человек!

Как может человек пропасть?
Ведь он же — человек!
Он может скошенным упасть
В холодный жгучий снег,
С ним рядом всякая беда,
Он может умереть,

Но правда жизни сквозь года
Сумеет прогреметь!
И нам задача и завет —
Оставить в жизни прочный след

СТУДЕНТАМ
НЕЧЕГО
СКРЫВАТЬ...

ПАРЕНЬ НИ ТО НИ СЁ

Кажется, ничего не могу сделать: редакция поручила мне написать заметку о физике IV курса Эдуарде Николаеве, но все собранные мною факты сводятся к одному: «Парень ни то ни се».

...Поздняя ночь. Я листаю свою записную книжку, со вздохом читаю записи и почесываю затылок. Начинаю сердито повторять: «Парень он ни то ни... Ни то ни сё — пустое место... Парень он ни то ни сё...» Сердито бросаю ручку и ложусь спать. Куда-то проваливаюсь. Вижу сон.

Летняя ночь 1958 года. Казахстан. Незримо сижу у костра.

Рядом — Эдуард Николаев и молодой красивый шофер целинного совхоза. Поодаль — ныне исключенный из университета Эдуард Эскин. У Эскина в руках гитара, он поет. Его слушают: Николаев с невозмутимым спокойствием, шофер с безгловым удивлением.

Далее следует разговор:

Ш о ф е р (Николаеву): Как песня?

Н и к о л а е в: А тебе?

Ш о ф е р: Ничего...

Николаев: И я так думаю...

Шофер: Ничего хорошего.

Николаев (явно смущен): Я это и имел в виду.

Из темноты появляется однокурсник Николаева Бирих.

Бирих: Николаев, ты почему не работал сегодня на силосе?

Николаев: Я? Что ты! Да я... да мы... Ты это брось!

Эскин (прерывает пение, равнодушно Бириху): Садись с нами и брось говорить о силосе. Надоело. (Николаеву). Как «Красотка Мэри»?

Николаев: Ничего...

Эскин: Хороша песня?

Николаев неопределенно хмыкает, поглядывая на шофера. Звук можно истолковать как «да» и «нет». Бирих уходит.

Эскин: (глядя вслед Бириху): Не понимаю я этих патриотов. (Вдохновенно). Жить — значит наслаждаться! Вот мой закон! (Николаеву). А твой?

Николаев (почти про себя): Господи Иисусе, вперед не суйся, сзади не отставай.

Эскин: Говори громче, не понял.

Николаев неопределенно хмыкает.

Шофер: (размышляя, сначала негромко, потом громче): Что это за люди?.. Один, мне кажется, способен на подлость, другой пройдет равнодушно мимо, заведомо зная, что она совершится. А в карманах у них, как и у меня, комсомольские билеты... (Выйдя из себя, Эдуардам). Слушайте, ребята! Зачем вы носите комсомольские книжечки?

Николаев неопределенно хмыкает. Эскин равнодушно дергает струны гитары.

Ш о ф е р: Лишние вы на земле. Не нужны, даже вредны людям. Зачем вы живете?.. Я сгораю от стыда за вас!.. (Сгорает. Во сне все возможно).

Я просыпаюсь и снова думаю, как писать о Николаеве. Может, рассказать об этом сне, добавив, что Николаев частенько пьет, что член факбюро Бирих пытался увлечь его и Шуле-пова (такого же «среднячка»!) работой в качестве агитаторов и не добился успеха?

Начинаю ругать себя за то, что не стал писать о математике III курса Яхлакове, который с улыбкой добродушного ребенка способен отказаться от любого дела, или о Шишкине, который второй год учится на I курсе, но вряд ли закончит его и на этот раз... А Николаев ведь ни то ни се... Он проучился четыре года незаметно и всю жизнь, вероятно, проживет так же, не сказав никому ни плохого, ни хорошего слова, улыбаясь в меру и не разговаривая много...

В. Бердышев

Т В О Я У С М Е Ш К А

Мы
Пошли на завод
Трубы
В вату одеть.
Зима в холодах придет —
По трубам пойдет нефть.
Каждый горит —
 не меркнет,
У каждого сердце —
 взрыв.
Наша староста Верка
В обеденный перерыв
На трубы-вены взлетала,
Пылающая голова,
Захлебываясь, читала
Собственные слова:
«Тело мое разорвите клочьями, Унесите в
пустыню,
Закопайте в песок —
Вы услышите,
 в стремлении к лучшему
Будет жадно биться каждый кусок!»
И ставил рекорды самый усталый,

И Верка,
 что меньше малого роста,
Вдруг на глазах моих вырастала.
И это,
 по-моему,
 очень просто.
Лишь ты бурчал: «Ну и скука с вами!
Стремитесь. Куда? Не знаете сами.
Всякие Верки
 поют нам в уши,
Восклицают.
Темнят.
Верь им! А мертвых от нас, живущих,
Отделяет
только
земля!»
...И все.
И не было никаких
Историй сверхудивительных.
Мы нефть пускали,
 писали стихи —
А ты усмехался презрительно.
Ты бы лучше насквозь
 промозолил руки,
Жил бы, как мы, не мешкая.
Кому нужны
 мировая скука
И твоя
 кривая
 усмешка?!

ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ *Братьям-филологам*

Дело было где-то между сессиями. Колька, Борька и я лежали на кроватях. Не спали, а просто так лежали. Володька сидел за столом — тоже просто так. Оформление было нарочито строгое: вечер, роман из списка «обязательной литературы», пермская радиопередача... В голову лезли до странного капитальные мысли. О вечности. О смысле бытия. О неукоснительности законов диалектики. Было страшно. Хотелось, чтобы на тебя обратили внимание. Пожалели. Чтобы сейчас же уважаемые люди отодвинули в сторону все свои бумаги и вплотную занялись рассмотрением твоего персонального дела...

Володька сказал:

— Когда же придет настоящий день? Когда же я буду избавлен от необходимости видеть ваши невыразительные физиономии?

Ничего нового он не сказал, и от этого стало еще тоскливей.

Вдруг запахнулась дверь. И вместе с кислым запахом свежeweмытого коридора вошел не знакомый нам старший товарищ. «Представи-

тель профкома», — подумали мы сначала. Он бросил на стол шапку и повернулся ко мне. Нет, это был не представитель профкома. Это был лысоватый, толстеющий молодой человек со всеми очевидными признаками студента нашего университета — абонента нашей фундаменталки, завсегдатая нашей столовой и читателя превосходной газеты «Пермский университет».

Итак, молодой человек повернулся ко мне. Он приставил палец к моему животу и спросил:

— Кто спит на этой кровати?

— Я, — отвечал я.

Тогда он торжественно растопырил локти и с простосердечной гордостью объявил:

— Первым, кто спал на этой кровати, был я.

Нахалы не пользовались любовью ни у кого из нас. Но истинным заслугам мы умели отдавать должное. Володька освободил стул. Пионер девятого общежития уселся. Начался вечер воспоминаний.

Мы отбросили первобытные мысли о природе вещей. Мы уставились на гостя. Мы стали припоминать. Его, его современников, седые легенды, в которых, может быть, фигурировали они, а может быть, — даже другие люди, их предшественники. Мы слышали невнятный гул... Под грубыми сапогами истории гудели отзывчивые половицы общежития...

— Я спал на этой кровати, — говорил гость. — Напротив спал Вовка Шляпников, а там — Вовка Савинов и Пал Палыч...

— Пал Палыч, — вспоминали мы. — Пашка Новиков... Шляпников... Знаменитый капитан наших волейболистов... Савинов... Замечательный филолог... мыслитель... талант... — и дели-

лись с гостем последними известиями о мастодонтах родного факультета. Рассказывали, что у нас нового.

— А что у вас по-старому? — спрашивал он. — Как стипендия?

— Время не властно над ней! — радостно отвечали мы.

— Записали ли вы хоть одну лекцию у Х.?

— Нет, не записали.

Это ему было очень приятно.

— А как работа? — спрашивали мы. — Как работа?

Он рассказывал:

— Покупайте книги — словари, монографии, методики! Иначе пропадете!

...Говорил он, пожалуй, несколько в традиционном стиле отставных героев. Пожалуй, слишком явно обнаруживалась в его рассказах известная педагогическая тенденция. Но в этот вечер мы расположены были прощать. Нам было приятно прощать. Нам даже нравилось представлять себя милыми краснощекими бутузами, перед которыми приезжий дядя раскрывает перспективы. В свете этих перспектив, как говорят лекторы, окружающий мир выглядит чудесно. Сессия была где-то далеко. Гораздо дальше, чем предстоящая стипендия. Нам захотелось испытать свои силы. Открывать двери классов, переступить пороги жизни. Мы сами уже чувствовали себя взрослыми дядями, сидящими за учительским столом, которые учат бутузов любить жизнь, любить книги, родную литературу, любить свое будущее дело. Мы чувствовали себя нужными, полезными, необходимыми. Мы верили в себя.

НА П Р А К Т И К Е

Сердце бьется чаще, чаще,
Нету черта, нету бога,
Все надежды я, входящий,
Оставляю за порогом.
Протекает где-то Кама,
И трамвай идет звеня,
Где-то папа, где-то мама
Дожидаются меня...
Я остался без опоры,
И как будто бы не в счет
То, что это — я, который
В профсоюзе пятый год,
То, что это я, за коим
Мой декан — родной отец,
Я, которого законы
Охраняют, наконец...
Отхожу я от порога,
Начинаю я дорогу,
Добираюсь до стола...
(Так вот станет понемногу
Голова твоя бела...)
Класс замолк, затих и замер,
Утвердился — и в тиши
Ест учителя глазами,

Потешаясь от души.
Наблюдает, как там этот,
Приподнявшись на носки,
Пишет что-то между клеток
Разлинованной доски.
Пишет криво, пишет косо,
И сейчас ему, друзья,
Обойтись без переноса
Будет попросту нельзя...
И конечно, и конечно! —
Как и что переносить,
Этот парень делом грешным,
Умудрился позабыть...
«Ой, гляди, гляди, ребята!
Перешел через черту —
И полез, полез куда-то,
Набирая высоту!
Ну и влип же ты, голубчик!
Поверни-ка лучше вспять,
Надо было думать лучше,
А потом уже писать...»
Дело рук своих несмело
Оглядев со стороны,
Руки, белые от мела,
Вытираю о штаны.
И, склоняясь над конспектом,
Изогнувшийся дугой,
Разбираю безуспешно,
Невозможный почерк свой.
Я стою плакучей ивой —
И почти роняю лист...
А в углу сидит тоскливо
Мой суровый методист.
Он глядит куда-то мимо...
Но раскрыт его блокнот:

Он ведет неумолимо
Всем моим ошибкам счет.
И глубокое сомненье,
И прямое возмущенье,
И отчаянье порой
По лицу его, как тени,
Пробегают чередой...
Наконец, собравшись с духом,
Спину выпрямив свою,
Если только верить слуху,
Я как будто говорю —
Говорю без вдохновенья,
Может час, а может два, —
Сочетаю в предложенья
Всевозможные слова.
Я несу такую ересь —
Просто верить нету сил,
Я и сам бы не поверил,
Если б кто-то повторил...

Хорошо на переменке
Повстречать своих ребят,
Повстречать своих девчат —
И в учительской у стенки
Постоять и помолчать.
И сказать им, между прочим,
Что сегодня ты давал
На своем уроке очень,
Очень сложный материал.

ОДНОКУРСНИКИ

— Женат. На Иришке. Счастлив.
Нинка? — смутился малость.
Натянуто улыбнулся,
Что-то забормотал.
Эх, Сережа, Сережа!
Не выветрилось — осталось!
Но как это все случилось?
Кто небо твое украл?

Иришка? Я шел и думал,
Не замечая, что лужи
Лезут в мои ботинки —
Все мне кричало: «Нет!»
Студенчество вспоминая,
Я снова лекции слушал,
Видел большой и умный
Пермский университет.

Вечер Нового года
Сверкает, звенит и льется,
Без доклада врывается
В песенные сердца.
Девятое общежитие
На все голоса смеется,

Любые здесь: и любимые,
И разлюбленные до конца.

— ...Сегодня праздник, а скоро
Сессия!

— Не впервые!

— Я к Фрадкиной не готова!

— ...Есенинский семинар...

— Иришка сегодня с Венькой...

— ...Стихи у него кривые.

— ...Коля, достань мне с неба

— К празднику желтый шар!

Нинка стояла в нише,
Затемненной и тихой,
Нинка, как говорится,
Светлела с любви.

В руках

Глазенки на мир тарасила

Плюшевая зайчиха.

Вдруг чьи-то шаги. Сережка

Замер в пяти шагах.

Плюшевая зайчиха

Мелко в руках дрожала.

Прошла секунда, другая,

Десятки секунд, века;

А он шепнул ей стихами,

Горячую руку жал он.

У Нинки в глазах качались

Цветущие облака!

— «Может быть, ты из неба
Соткана, голубая?»

Может быть, ты из моря
Выплеснулась ко мне?
Но ты такая простая,
Любовь ты моя земная!
Искал тебя я повсюду,
А встретил лишь на земле...»

Воздух горячий Нинку
В аудитории встретил.
Девчонки перед Сережкой
Опускали глаза.
И между прочим решили:
«Их дело, они не дети».
А только ли их это дело? —
О том никто не сказал.

Зато сказали, что Нинка
Далеко не Венера,
Но что у Иришки — точно! —
Венерины кисти рук.
Само собой получилось,
Что белое почернело,
А черное стало белым
В разумных словах подруг.

— Девчонки! Тону! Спасите!
Ведь завтра сессия!
— Знаем!
— К Самойлову не готова.
Ну, нахватаем пар!
— ...Иришка Сережку любит.
— А ну их всех к черту!
— Майя!
А вот бы завтра случился
В университете пожар!..

Они же не дети! Сережка
Пописывать стал Иришке
На лекциях. Но и в этом
Не только его вина.
Любовь пока притаилась,
Наружу вспылала страстишка.
Мы эту пену не сдули —
И коркой стала она!

...Словно прозрев, увидела
Сережку с Иришкой рядом.
Сначала вся замолчала,
Потом, всем телом крича, Рванула
лист из конспекта, Черкнула
кляксой: «Не надо! Ты не мужчина
— тряпка!»
...И курс опять промолчал...

Каждым был облюбован
Неба личный кусочек,
Каждый построил хату
С краю от их любви.
Не нужно винить Сережку.
Иришку — тоже не очень.
Это мы, однокурсники,
Любовь не уберегли!

Б. Гашев

ОДНОКУРСНИКИ ВИНОВАТЫ

«Кто небо твое украл?»

В. Бердышев

Я шел. Угрюмый, безучастный,
В самоанализ погружен.
Я был своим семейным счастьем,
Увы, не удовлетворен...
А счастье было так возможно!
Я был влюблен, я был любим.
Все представлялось мне не сложным,
А очень милым и простым.
Я был любовью преисполнен,
Весь, так сказать, горел огнем —
И в ночь под новый год, как помню,
Признался Ниночке во всем...
Признался искренне и лихо,
В наикрасивейших стихах...
И мелко-мелко, тихо-тихо
Её любимая зайчиха
Дрожала у нее в руках...
И объяснить не в состоянье
Я самому себе сейчас,
Как против всяких ожиданий
Судьба разъединила нас.

Погребена под грубой «коркой»
Моя любовь, и день за днем
Не брызнет ни одна искорка —
Все только дым, густой и горький! —
Над пресловутым очагом.
«Кто виноват? — я думал часто.
Иришка? Нинка? Деканат?»
Ходил я, к жизни безучастный,
И думал: «Кто же виноват?»
«Не то, не то! Все бредни, бредни!»
Я плохо ел, я плохо спал...
Но о самом себе намереди
Стихотворенья прочитал...
И все сейчас же стало ясным,
И с глаз упала пелена:
Не виноват ни я, несчастный,
Ни ты, несчастная жена!
Виновник уличен с поличным:
Увидел я, по чьей вине
Достигнуть счастья в жизни личной
Никак не удастся мне.
Мои товарищи по группе
Виновны в этом! Все подряд!
Они виновники! И вкупе
И каждый лично виноват!
Они не занимались делом,
А сплетничали все — и вот:
Что было черным, стало белым,
А белое — наоборот!
Они болтали, где попало,
Что в плане красоты ногтей
Иришка ближе к идеалу
Дражайшей Ниночки моей...
И наконец, под тем предлогом,
(Весьма сомнительным к тому ж!),

Что я не мальчик, слава богу,
А, дескать, слава богу, муж,
Ушли в себя. К своим тетрадкам,
В свой узко личный уголок,
Пустив, как будто все в порядке,
Мою любовь на самотек!
Ах! Это было так нечутко!
Один, запутавшись кругом,
Я, увлеченный новым чувством,
Ошибся в выборе своем!..
К тому ж и Нинка дело это —
Всем телом плача и крича —
Усугубила сторяча,
Как говорится у поэта,
«Черкнула кляксою» с плеча,
Мол, не мужчина ты, а тряпка.
Терпеть не стало больше сил —
Я натянул на уши шапку,
Иришке руку предложил...
А те, что были виноваты,
Те, что любовь не сберегли,
Спокойно выстроили хаты
И семьи завели свои.

Б. Гашев

Ч А С Ы

Драма
ПРОЛОГ

(Заседание бытсовета общежития № 10. Обсуждаются итоги конкурса на лучшую комнату).

Первый член бытсовета: ...Ребята они хорошие, дружные...

Второй член бытсовета: ...В комнате не курят...

Третий член бытсовета: ...На кроватях не валяются...

Первый член бытсовета: ...Я считаю, что двух точек здесь не может быть. Премировать их!

Подавляющее большинство членских голосов: Пре-ми-ро-вать!

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

(Лучшая в общежитии комната. Жильцы — Анатолий, Сергей, Юрат — налицо).

А н а т о л и й (задумчиво смотрит на оранжевый абажур): Оранжевый абажур хорошо к

празднику, к Новому году, например... Для работы лучше голубой. Голубой свет не отвлекает. Голубой свет мобилизует.

(Неожиданно встревоженно).

— Что это?

Ю р а т : Что??

А н а т о л и й (протягивает руку к динамику):
Что это?!

(Все трое на цыпочках подкрадываются к динамику).

А н а т о л и й : На динамике — пыль!

Ю р а т : Какой ужас!

С е р г е й : Какой ужас!

(Хором, еще раз): Какой ужас!!!

(Вместе, толкаясь, бросаются в угол, где аккуратно разложены орудия самообслуживания: тряпки, щетки, швабры).

(Стук в дверь. Останавливаются, переглядываются, бледнеют, опускают головы).

А н а т о л и й : Войдите, чего уж там...

(Вступает бытсовет в полном составе).

Пер вый ч л е н б ы т с о в е т а : Ребята! Решением бытсовета ваша комната признана лучшей в общежитии. Вы ребята дружные...

В т о р о й ч л е н б ы т с о в е т а : ...В комнате не курите...

Т р е т и й ч л е н б ы т с о в е т а : ...На кроватях не валяйтесь...

Х о р о м : Ура!

Р е б я т а (растерянно): Да уж чего там...

П е р в ы й ч л е н б ы т с о в е т а : Идите к коменданту, забирайте свой приз — чугунные часы. Они немножко поломаны — почините и живите себе дальше...

(Совершенно немая сцена).

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

(Часовая мастерская по улице Куйбышева. У окошечка— Анатолий, Сергей, Юрат. В окошечке часовщик с лупой в глазу).

Р е б я т а : Часы чините?

Ч а с о в щ и к : Чиним.

А н а т о л и й , С е р г е й , Ю р а т (дружно нагибаются): Взяли?.. И-и-и! Раз... Эх... Ну, еще раз?.. Взяли!.. Раз!..

(Поднимают и подают в окошечко чугунные часы. Вытирают пот, ждут).

(В этом месте за сценой должен стучать молоток. По железу).

Ч а с о в щ и к (высовывается): Такие не чиним. У них внутри ничего нету.

Р е б я т а : Чего нету?

Ч а с о в щ и к : Ничего нету.

(Немая сцена).

А н а т о л и й (наконец, робко): А может, все-таки?

Ч а с о в щ и к : Нельзя. Мы механизмов не делаем. Для этого заводы есть. (Подает в окошечко часы).

Р е б я т а (дружно): Ладно! Не надо их чинить. Оставьте у себя! На память!...

Ч а с о в щ и к : Нельзя. У нас предприятие солидное.

(Часы переваливаются через барьер и с лязгом падают на пол).

Ч а с о в щ и к : С вас четвертная. Повозиться с часиками-то пришлось.

ЭПИЛОГ

Лучшая в общежитии комната. Жильцы лежат на кроватях, курят. На заднем плане, за

отодвинутым к стене столом, возвышается решетчатый гребень чугунных часов.

Эта сцена тоже немая: никто ничего не говорит. Через некоторое время за сценой начинается музыка. Музыка нарастает. Нежные, как воспоминания детства, звуки флейты, постепенно заглушаются трагическим гулом контрабаса, который, в свою очередь, заглушается мерзким звоном литавр, отдаленно напоминающим стук молотка во втором действии.

Т. Продан

**ЧИТАТЕЛЬСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ**
Фельетон

Был вечер. Мы шли по темному коридору первого этажа общежития № 9. И вдруг насторожились: чья-то тень промелькнула слева.

— Бог с тобой, — сказала моя спутница, — это, верно, кошка.

Мы прошли еще несколько шагов и вдруг ясно увидели горящие глаза. Они впились в нас, как булавки, но через мгновение стали остывать и добреть.

— Юрка! — воскликнул я, узнав студента I курса юридического факультета Матвеева. — Что с тобой?

— Я испугался. Мне показалось, что библиотечные работники идут. Уже хотел бежать, чтобы предупредить ребят.

Вдоль стены кралось еще несколько теней.

— Соколова, Жилкина, Зырянова, — отрекомендовал Матвеев, — химики IV курса.

Видя наши недоумевающие лица, он пояснил:

— Сегодня у нас конференция. Какая? Конференция задолжников читального зала. Вон, в темном углу под лестницей. Проходите уж. Только тсс... чтобы никто не знал.

Под лестницей было мрачно и душно. Человек тридцать сидело, стояло, лежало на каких-то ящиках, стопках книг, прямо на полу. Протиснувшись между широкой спиной и кипой номеров журнала «Октябрь», мы заняли удобную позицию и постепенно стали различать присутствующих.

— Ба, знакомые все лица, — шепнула мне спутница.—Я вижу Сапожникова с IV курса физмата, химика Айбабамянц и биолога Новикову. Они шушукуются вон там, у ящика из-под консервов и почему-то стремятся быть неузнанными. А рядом прячется техник Лужников. А это кто возвышается над ними? Ты смотри какое у него самоуверенное лицо! О, это, наверное, почетный член Общества задолжников.

Это, вероятно, химик IV курса Вихарев. Он держит «Детали машин» уже пятый месяц. Постой-постой, я узнаю техников Вяткина, Лыткина, юриста Каменских. А это кто?

Мы так и не смогли узнать в темноте расплывчатую фигуру еще одного студента, чем-то похожего на Человека-невидимку.

В это время раздался потрескивающий стук карандаша по переплету книги, и чей-то голос объявил:

— Предлагаю избрать президиум из наших заслуженных задолжников... председателем — Раппопорт, физмат II курс. Он держит «Молекулярную физику» и «Историю КПСС» с 11 декабря 1959 года (буря аплодисментов).

Секретарём — техника III курса Черноскутова, держит «Политэкономия» с 4 декабря 1959 года (бурные, долго не смолкающие аплодисменты), а также студента III курса физмата Зе-ляева и...

— Э, нет, — прохрипел чей-то голос. — Это не по правилам: Зеляев взял «Электротехнику» 26 февраля, а я «Методику» — на две недели раньше.

— Кто говорит?

— Ширинкин, IV курс физмата.

— Дорогу Ширинкину!

Наконец, все успокоились. На трибуну, сложенную из нечестно утащенных газет, книг, вошел физик Балакин. Грохнул стопой книг так, что взлетела пыль.

— Коллеги! Считаю нашу политику совершенно правильной. Где редкие книги можно достать? У нас в читальном зале. А нужны такие книги нам? Нужны. Вот я четвертый месяц занимаюсь (он потряс стопой, и мы успели разобрать «Сборник задач и упраж...»). Остальные студенты? Наплевать на остальных!

— Регламент!

— Дорогие друзья! — начал второй оратор. — Я юрист, не меня законам учить. Фамилия?.. Мартьянов! Я предлагаю следующее: учебный год к концу подходит; если уж взяли книги, держите их до конца, ведь с нового учебного года новые читательские билеты будут без всяких пометок.

— Регламент!

Из тьмы на трибуну пробрался неизвестный.

— Хи... Я считаю, что лучше моего опыта ни у кого не было. Я взял книги на чужой або-

цемент. Ха-ха-ха! Взял и не сдаю шестой месяц! Нашел билет читательский на имя Г. Ф. Останина, взял книгу... хи-хи... расписался за него...

— Послушай, — прошептала моя спутница, — уйдем отсюда.

И мы ушли. Конференция продолжалась. И сейчас продолжается...

Б. Гашев

ТЕЛЕФОН

Рассказ

Я имею в виду телефон, который стоит у нас в общежитии в вестибюле. Там еще обычно сидит дежурный. Читает книжку или еще что-нибудь делает, а когда зазвонит телефон, поднимает трубку и отвечает. Нет, мол, вы не туда попали...

Некоторые очень любят дежурить у телефона. Они там сидят такие строгие, важные, такие неразговорчивые, что телефон просто перестает работать. Что-то там у него внутри портится.

Когда дежурю лично я, телефон звонит непрерывно — назойливо, нарочито громко, — словом, ведет себя совершенно бесцеремонно. Мне кажется, его терзает недостойная, мелочная жажда самоутверждения за счет ближнего. Подумаешь, мол, дежурный! Такой же человек, только дежурный. Сегодня дежурный, а завтра и вовсе неизвестно кто: какой-нибудь химик. А я всегда телефон. И, собственно, лишь благодаря этому вообще возможен разговор о каком-либо обмене мыслями между людьми! И вообще: что такое люди? Звуковые волны,

воздействующие на мою мембрану! Другие проявления человеческой природы мне неизвестны.

Преувеличивает, конечно, телефон свое значение, нос задирает: неважный он, в сущности, телефон — старый, сиплый, чиненый-перечиненый. Но в общем действительно заслуживает всяческого уважения, потому что частенько выручает человека из разных его человеческих бед.

Вот я вчера дежурил. Делал все, что полагается и, конечно, отвечал на звонки. И вот звонят — около двух часов дня. Поднимаю трубку, отвечаю — дежурный, мол, слушает.

Спрашивают:

— Какой дежурный?

— А вы куда звоните?

Молчит. Еще раз спрашиваю — молчит. Я уже собрался повесить трубку, слышу — отвечают, странно так отвечают:

— Мне все равно куда. Мне надо спросить.

Между прочим, спрашивает девочка.

— Чего, — говорю, — спросить?

— А вы ответите?

— Слушайте, — говорю, — я дежурный. Мне с вами некогда разговаривать. Спрашивайте, если, конечно, ваш вопрос имеет отношение к нашему общежитию, и не занимайте зря телефон.

Тогда она говорит — опять очень странно:

— Пожалуйста, — говорит, — не сердитесь, а то, когда я задам вам свой вопрос, вы совсем рассердитесь и бросите трубку. Пять человек уже бросили и не ответили. А я из-за них могу перед первоклассниками уронить свой авторитет. Я октябрятская вожатая, и мне сейчас надо 72

идти к моим октябрятам. Они сейчас будут елочные украшения делать. А я должна ими руководить.

— Ну, — говорю, — задавай свой вопрос. Спрашивай, да поскорее.

Тогда она спрашивает:

— Скажите, пожалуйста, товарищ дежурный по общежитию, как сделать бумажный кораблик? Мамы дома нету, а папа не умеет. То есть он сказал, что умеет, и хотел показать, а потом сказал, что ему некогда.

— Слушай, — говорю, — я дежурный и не могу занимать телефон для подобных разговоров. Тут ко мне беспрерывно звонят. И слышу, она там начинает всхлипывать и что-то опять говорить насчет своего «авторитета».

— Подумаешь, — говорю, — авторитет! Некогда мне! — и собираюсь повесить трубку, а в трубке она всхлипывает. Я трубку не повесил, и опять ей говорю:

— Ну, — говорю, — перестань реветь, сейчас я тебе все объясню. Подумаешь, кораблик! — И начинаю объяснять. И тут оказывается, что объяснять по телефону, как делать кораблик, ужасно трудно. Показать нетрудно, а по телефону объяснить просто невозможно!

— Возьми, — говорю я ей, — листок бумаги. Вырви из какой-нибудь тетради. Вырвала? Сложи вдвое. Пальцами правой руки возмись за правый угол сложенного вдвое листа. Там, где сгиб. А пальцами левой за левый угол. Взясась? Притяни эти углы к поверхности угла так, чтобы получился треугольник. Получился треугольник?

Молчит. Потом говорит:

— Там внизу две полоски оставались, я их обрезала ножницами.

Соображаю я, что она там обрезала и говорю ей:

— Дура! Кто тебя просил обрезать? Бери новый листок! Сложи вдвое и углы на сгибе прижми. Ну?.. Теперь загни уголки у тех полосок. У одной полоски вверх, у другой — вниз. Ну?.. Теперь пригибай полоски к треугольнику. Получился треугольник?.. Возьмись за углы треугольника там, где были полоски. Взясась? Соедини их друг с другом внутри треугольника так, чтобы получился четырехугольник. Получился четырехугольник?..

Молчит.

— Получился?

Молчит. Всхлипывает.

— Ну, чего ты молчишь?

Ревет:

— Не могу соединить углы внутри треугольника, чтобы получился четырехугольник.

— Бестолочь! — говорю я. — Делай так: возьмись пальцами правой и левой руки за соответствующие углы. Взясась? Теперь резким движением рук приведи углы треугольника в соприкосновение. Ну?

— Бу... Бумага порвалась!..

— Бери другую! Перестань реветь, а то не буду объяснять!

Начинаем все сначала, доходим до соединения углов внутри треугольника — и дальше ни в какую! А потом у нее и треугольники перестали получаться. И сам я уже стал путаться.

— Подожди, — говорю я ей. — Приготовь по

ка побольше бумаги, а я подумаю, как тебе доходчивей объяснить.

Тут как раз подходит к телефону математик IV курса Володька.

— Долго, — говорит, — ты еще будешь трепаться? Мне на кафедру надо позвонить.

Я рассказываю ему, в чем дело, и он говорит:

— Да разве так надо объяснять? Дай-ка мне трубку!

Забирает у меня трубку и говорит:

— Забудь все, что тебе сейчас объясняли. Слушай меня. Возьми в руки карандаш. Сколько у листа углов? Четыре? Так? Пиши в левом углу букву А. Написала? Пиши в правом углу букву В. Пиши в левом углу нижнем букву С. Написала?.. И так далее: Измерь расстояние от А до Е... Отложи величину АЕ на прямой АС... Найди середину СД... Восстанови перпендикуляр в точке Г...

Долго он ей так объяснял, потом спрашивает:

— Чего ты плачешь? А? А в каком ты классе учишься?.. Что же ты сразу не сказала?

А потом говорит мне:

— Ну, ты ей дальше объясни, а мне некогда. Я пойду на автомат, позвоню на кафедру.

И уходит. А я опять остаюсь наедине со своим плачущим телефоном...

Сидит девочка где-то дома и плачет. И телефон у нее молчит, будто его и нет с ней, будто и меня нет, будто она на свете одна-одине-шенька.

А на самом деле просто я не знаю, что ей сказать...

Такая история. Вот такая печальная история. Ерунда, конечно. Какой-то там кораблик. Не

в кораблике дело. А в том, что человек вообще попал в беду. В общем-то там стечение обстоятельств, которым человек не может противостоять. И так далее. И, разумеется, начинает он звонить по телефону. Не важно по какому номеру. Не кому-нибудь конкретно звонит, вернее, не какому-нибудь конкретному лицу, а звонит всему остальному человечеству. Как член этого коллектива. И как назло звонит именно в мое дежурство. А в результате получается такая печальная история: помощь ожидается от человечества, а помогать-то приходится мне.

— Девочка! — зову я упавшим голосом. — Ты, пожалуйста, не плачь. Люди попадали и в худшие положения. Вспомни, например, челюскинцев... И потом — я сейчас что-нибудь обязательно придумаю...

— Я не плачу, — отвечает она. — Я знаю про челюскинцев. Мы это проходили.

— Попробуй сложить треугольник, — говорю я.

— Я попробую, — отвечает она.

Я слышу хруст бумаги. Должно быть, она взяла толстую, крепкую бумагу. Сейчас она ее перегнула пополам. Я почти вижу, как она это сделала. Словно я сам все это делаю, вместо нее. Я теперь очень волнуюсь: я теперь понимаю, как это трудно и важно — правильно перегнуть бумагу... Теперь нас уже соединяют не просто телефонные провода.

— Не спеши, — говорю я. Мне кажется, что она торопится. — Теперь соедини концы треугольника... внутри треугольника.

— Сейчас.

— Как тебя зовут?

— Нина... — отвечает она. — Я сложила, получилась шапочка. Что делать теперь?

— Кажется, поднять уши у этой шапочки к макушке и потянуть за них... А в каком ты классе учишься?..

Мне кажется, что она волнуется. Мне хочется, чтобы она делала все это спокойно.

И вдруг она кричит:

— Получилось! Получился кораблик!.. Спасибо, дяденька дежурный!

— Какой он? — спрашиваю я. — Как он выглядит?..

Она уже повесила трубку. У нее получился кораблик!

В общем, неважно, какой он, этот кораблик. Важно, что она победила стечение обстоятельств. Позвонила по телефону — неважно, по какому номеру! — и победила все эти враждебные обстоятельства.

Я кладу трубку. И телефон тотчас начинает звонить.

СОДЕРЖАНИЕ

Р. В. К о м и н а. Живые штрихи. Вместо предисловия	3
Оставить в жизни прочный след...	
В. Б е р д ы ш е в	Поиски 9
	После нас 9
	Руки, которые любят строить 10
	Пишите письма 11
Б. Г а ш е в	Весна 12
	Минута 13
К. К о в а л е н к о (Т. П р о д а н)	«Улыбаясь, листаешь старую тетрадь» 16
	Хватающемуся за соломинку 17
	«Небо парусиновое...» 17
	Однокурсникам 18
	«Ночи шептали...» 19
А. Г у р е е в	«Зажглись огни, и раздвинулась ночь...» 21
	Весеннее 22
Б. П а х у ч и х	Заочнику 23
	Книги в цехе 23
	Старшему товарищу 24
	Не пришел 25
Н. К и н е в	Студенты 26
В. З и м н и н	Молодоженам ... 28
	Пчела и муха « 28
	А все-таки солнце встает на востоке...» , , , . . 30

В. Бакшутов	Родной посёлок	3
	Товарищ	3
	«Дожливый летний вечер...»	32
Г. Внутских	«Она сперва мне показалась грубой...»	3
	«Помни, шагая в горы...»	33
А. Бузмаков	Идет весна.....	35
Ю. Чемоданов	Дубок.....	36
И. Ежиков	Помни.....	37
И. Рейдерман	Тебе!.....	38
	«Заметает снег...»	39
	«Расплывается дым...»	40
	След	40

Студентам нечего скрывать...

А. Гуреев	Парень ни то, ни се. Фельетон	45
В. Бердышев	Твоя усмешка	48
Б. Гашев	Вечер воспоминаний. Братьям- филологам	50
	На практике	53
В. Бердышев	Однокурсники	56
Б. Гашев	Однокурсники виноваты	60
	Часы. Драма	63
Т. Продан	Читательская конференция продолжается. Фельетон	67
Б. Гашев	Телефон. Рассказ	71

СТУДЕНЧЕСКАЯ ВЕСНА

Редактор *В. В. Воловинский*
Оформление *Ю. И. Заботина*
Художественный редактор *М. В. Тарасова*
Технический редактор *К. Г. Сукманова*
Корректор *Э. К. Актищева*

Подписано к печати 25.III. 1961 г.

Формат 70x92*₃₂ 1,25 бум. л. 2,5 печ. л. Уч.-изд.
ЛБ05033.

Тираж 1000 экз.

2,45 л.

Цена 7 к.

2-я книжная типография облполиграфиздата. Пермь,
ул. Коммунистическая, 57. Зак. 235.